

DOI:

ОТ ЭПОСА К ДЕТСКОЙ КНИГЕ: ОБРАЗ СЫРДОНА В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Бритаева Анжела Борисовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел фольклора и литературы, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-6926-3816>; angelikabb@yandex.ru

Статья посвящена исследованию механизмов трансформации образа Сырдона в контексте детской литературной традиции. Цель предпринятого изыскания – определение вектора развития образа: сохранение ли это традиционной эпической природы или его интерпретация в новом литературном контексте. На материале произведений осетинских авторов («Козни Сырдона» Т.А. Кокаева и «Как Сырдон выиграл коня и осла» З.Н. Дауровой (Дауры)) был осуществлен анализ эволюции образа с целью определения степени его трансформации относительно изначальной эпической парадигмы и сохранения архетипических характеристик. Автором статьи показано, что механизмы трансформации образа «злого гения нартов» направлены на сохранение культурной памяти, формирование нравственных ориентиров, развитие эстетического восприятия. Особое внимание в статье уделяется исследованию того, как меняется сложный образ трикстера в детской литературе, сохраняя при этом свою архетипическую сущность. Актуальность исследования обусловлена тем, что модифицирование мифологических образов в детской литературе представляет собой малоизученный аспект взаимодействия традиционной культуры и современного литературного процесса. Автором статьи впервые рассматривается взаимодействие фольклорной традиции и детской литературы на примере конкретного мифологического персонажа, что вносит вклад в теорию межтекстуальных связей и определяет научную новизну работы. Методологическая значимость исследования заключается в разработке подходов к адаптации сложного мифологического материала для детской аудитории без утраты его культурной и художественной ценности. Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы при написании истории осетинской детской литературы, при преподавании курса «Осетинская детская литература» в вузовской практике.

Ключевые слова: осетинская детская литература, Сырдон, трансформация образа, эпическая традиция, интертекстуальность.

Для цитирования: Бритаева А.Б. *От эпоса к детской книге: образ Сырдона в осетинской литературной традиции* // KAVKAZ-FORUM. 2025. Вып. 24 (31). С.29-42. DOI:

Введение

Сохранение национальной идентичности в условиях глобализации требует детального изучения механизмов адаптации традиционного фольклорного материала к современным культурным запросам, особенно в сфере детского восприятия. Фольклорные традиции как фундаментальная основа формирования национальной литературы представляют собой комплексный феномен, детерминирующий развитие литературного процесса. Осетинская литературная традиция демонстрирует типичную для всех национальных литератур модель взаимодействия с устным народным творчеством на различных этапах своего развития. Диахронический анализ взаимосвязи осетинской литературы с фольклорными традициями выявляет устойчивую тенденцию к интеграции элементов народного творчества в литературный дискурс. При этом на ранних этапах развития данной взаимосвязи наблюдается максимальная степень выраженности фольклорных мотивов, тогда как в современной литературной практике происходит трансформация способов репрезентации фольклорного материала.

Теоретическая база данного исследования представлена работами известных фольклористов и литературоведов, посвященными вопросам взаимодействия фольклора и литературы. Это прежде всего труды А.Н. Веселовского по исторической поэтике и теории мифа [1], М.М. Бахтина о взаимоотношениях автора и героя [2], В.Я. Проппа – фольклора и действительности [3], исследователей Нартовского эпоса Ж. Дюмезиля [4], В.И. Абаева [5], а также исследования С.М. Лойтер [6], Л.В. Овчинниковой [7], посвященные теории и истории детской литературы. В ходе сравнительного анализа мы опирались и на современные подходы в изучении данного вопроса – это исследования Д.Н. Медриша о фольклорных традициях в литературе [8], Е.М. Мелетинского о мифопоэтическом сознании [9]. В основу исследования положены также труды осетинских ученых – Д.И. Дедегкаева [10], И.В. Мамиевой [11; 12; 13], А.Х. Газдаровой [14] и др., изучавших образ Сырдона в контексте Нартовского эпоса и осетинской литературы. Вопросы литературной интерпретации образов нарттовского эпоса касались в своих работах также Е.Б. Дзапарова и К.И. Хетагурова [15].

Данная теоретическая база позволяет провести анализ образа Сырдона, проследить его развитие от фольклорного персонажа до литературного образа, выявить особенности его функционирования в различных культурных контекстах.

Актуальность исследовательской работы определяется тем, что в условиях стирания культурных границ все острее встает вопрос о механизмах, посредством которых традиционные фольклорные сюжеты и образы подвергаются модернизации, с тем, чтобы оставаться релевантными детскому восприятию и одновременно формировать и укреплять этническую идентичность. Исследование вносит существенный вклад в понимание процессов транс-

формации национальной культурной памяти при передаче ее последующим поколениям через призму детской литературы.

Основная часть

Нартовский эпос зачастую выступает в качестве доминирующего составляющего осетинского фольклора, формирующего творческую деятельность писателей, поэтов и драматургов, что свидетельствует о его фундаментальной значимости в системе национальной культурной традиции. Осетинская детская литература, являясь частью общего литературного процесса, также демонстрирует значительную степень интертекстуальных связей с фольклором, в том числе с нарттовским эпосом, что способствует обогащению художественного дискурса. «Нартиада, несмотря на разноуровневость обращения к ней писателей в те или иные временные отрезки, была и останется фундаментальным и непрерывным источником развития осетинской литературы», – отмечает И.В. Мамиева [11, 112]. Включая народные традиции и сюжеты в свои произведения для подрастающего поколения, авторы помогают своим читателям лучше понять национальную культуру и сформировать представление о ней. Таким образом, использование фольклора в литературе – это действенный способ сохранить культурное наследие, показать уникальность национальной культуры, сделать произведения более близкими и понятными для читателей.

В контексте исследуемой темы особую научную значимость представляет драматическое произведение Тотраза Кокаева «Сырдоны хинтæ» («Козни Сырдона») [16], демонстрирующее интегративный подход к синтезу традиционных и инновационных художественных практик. Анализируемое произведение является показательным в плане междисциплинарного исследования, позволяющего проследить механизмы взаимодействия фольклорной традиции и драматургического канона в современном литературном процессе, т.е. оно помогает понять, как народные традиции сочетаются с правилами написания пьес в современной детской литературе.

Жанровая специфика пьесы характеризуется синкретизмом нарративных моделей: в ней есть и реалистичные сцены, и волшебные, сказочные моменты. Все это вместе создает увлекательное и цельное произведение. Автор умело переделал нарттовские кадаги так, чтобы они были понятны и интересны детям. В центре сюжета – знаменитый герой нарттовского эпоса Сырдон, но его образ показан так, что юные читатели могут легко его представить и понять, при этом сохранены главные черты характера героя – ум, хитрость, предприимчивость.

Сюжетно-композиционная структура пьесы «Козни Сырдона» строится на контаминации следующих кадагов: «Сырдон æртæ æфсымæры куыд фæсайдта» («Как Сырдон трех братьев обманул»), «Сырдон æмæ Нарты гуыппырсарты балц» («Сырдон и поход нартов»), «Сырдон фыййауы куыд асайдта» («Как Сырдон пастуха обманул»), «Сырдон нарты асайдта» («Как Сырдон нартов обманул») [17].

Система образов произведения характеризуется интертекстуальной интеграцией эпических персонажей и современных протагонистов-детей: Ала-

на и Олланы, являющихся своеобразными проводниками, медиаторами между различными хронотопами, сюжетными линиями или смысловыми пластами произведения. Автор возложил на них очень важную миссию: они помогают читателю-ровеснику соединить в воображении разные временные пласты, объяснить сложные моменты, связать древний эпос с современностью. Таким образом, посредством данного художественного приема драматург реализует интержанровый синтез через наложение различных пространственно-временных континуумов, что усиливает динамику художественного повествования.

Среди героев Нартовского эпоса, каждый из которых наделен сложным характером с противоречивыми чертами, Сырдон выделяется особо. Он представляет собой квинтэссенцию трикстерского архетипа, воплощая в себе все его ключевые характеристики в их наиболее чистом виде: хитрость и коварство сочетаются в нем с мудростью и прозорливостью, колкость и язвительность соседствуют со способностью к глубокому чувству, изобретательность и находчивость переплетаются с трагической судьбой. Значимость образа Сырдона в эпосе неоднократно подчеркивалась выдающимися представителями мировой фольклористики. Ж. Дюмезиль [4], В.И. Абаев [5] и Е.М. Мелетинский [9] единодушно выделяют этого персонажа как одну из ярчайших фигур эпического цикла. Продолжая традиции научного осмысления, современные осетинские исследователи также подтверждают особую роль Сырдона в системе Нартовского эпоса. Д.И. Дедегкаев, И.В. Мамиева в своих работах демонстрируют многогранность этого образа и его исключительное значение для понимания структуры эпоса в целом. Таким образом, консенсус ученых разных поколений и научных школ свидетельствует о том, что образ Сырдона представляет собой уникальный феномен, заслуживающий пристального внимания исследователей.

В произведении Т. Кокаева ярко воссоздан образ Сырдона, который во многом наследует черты своего эпического прототипа. Перед читателем предстает неординарная личность – остроумный трикстер, наделенный незаурядным умом и предприимчивостью. Герой также амбивалентен, его характер раскрывается через несколько ключевых граней: яркая индивидуальность и самобытность, хитрость и находчивость, острый ум и изобретательность, но при этом в нем особо выделяется чувство собственного достоинства. Его амбивалентность, как и в эпосе, проявляется и в двойственном отношении к нартам. С одной стороны, он наказывает нартов, выставляя их в смешном свете, называет глупыми. Например, обращаясь после очередного приключения к детям, герой говорит: «Гъер дæр уæ нæма бауырныдта, æдылытæ кæй сты, уый? Æдзух тыхæй архайынц. Сырдоныл мын фæуæлахиз уæвынмæ хъавыдысты, фæлæ сæ хинтæ сæхиуыл æрцыдысты. У-у-у! (Æртхъирæн кæны.) Иннæ хатт æй зондзыстут!» ('Теперь вы поверили, что они глупцы? Они всегда лишь на силу свою надеются. Сырдона они хотели победить, но их коварство против них же и обернулось. У-у-у! (грозится.) Будете знать в следующий раз!' – здесь и далее перевод наш – А.Б.) [16, 23]. Следует отдать должное Сырду, как правило, он отстаивает свои права, мстит за обиды, защищает свое достоинство. С другой стороны, Сырдон проявляет себя как незаменимый участник

нартовских походов, верный помощник в трудных ситуациях, ценный союзник в сложных делах. Отношение нартов к Сырдону тоже неоднозначное. Они его называют «позором нартов», «бедой нартов», зло подшучивают над ним, смеются. К примеру, когда нарты сказали Сырдону, что поскольку грядет конец света и все равно всё и вся погибнет, то нужно съесть откормленного им барана. Они уверены, что тот согласился с ними из-за своей глупости и легковёрности:

*Нæ зондджынты зондджын,
Цæй зондджын дæ ды?
Дæ тохъхъыл æмбойны
Кæндзæнис хæрды [16, 23].*

Умнейший из наших умных,
Какой же ты мудрец?
Твой откормленный баран сегодня же
Будет съеден.

Однако Сырдон не остался в долгу, он отомстил обидчикам.

Но вот Сырдон помог нартам, и уже другое отношение к нему соплеменников демонстрирует автор – на пиру нартов то и дело раздаются тосты: «Сырдоны цæрæнбон бирæ, Сырдоны!», «Сырдон куы нæ уыдаид, уæд ацы тыхст рæстæг нæ гуыбынтæ хурмæ тавтаиккам!», «Хорз та нæ суазæг кодта Сырдон!», «Сырдоны фæрцы та минасы бахаудтам!» («Долгих лет жизни Сырдону!», «Если бы не Сырдон, то мы в это тяжелое время грели свои животы на солнце!», «На славу нас угостил Сырдон!», «Благодаря Сырдону мы опять пируем!») [16, 20].

Таким образом, перед читателем многогранный образ, в котором органично переплетаются противоречивые черты характера, делающие героя по-настоящему живым и запоминающимся. Эта двойственность натуры, унаследованная от эпического прототипа, придает образу особую глубину и психологическую достоверность.

Межжанровый синтез в пьесе приобретает качественно новый уровень благодаря интеграции поэтического дискурса Т. Кокаева, чье творчество характеризуется высокой художественностью. Поэтические произведения автора выступают не только как эстетический элемент, но и как самостоятельные художественные единицы, обладающие собственной семантической и функциональной нагрузкой в структуре пьесы. Их композиционная роль проявляется в следующих аспектах: они являют собой текстообразующий и структурообразующий компонент (слияние различных жанровых элементов в единое художественное целое), выполняют характерологическую функцию (раскрытие образов персонажей через призму поэтического осмысления).

Сырдон, очередной раз проучив нартов, напевает:

*Æз Сырдон дæн, Сырдон дæн, Сырдон,
У мæ зæрдыуаг алкæд æргом,
Мæн сæ сæрмæ нæ хастой-иу нарт,
Фæлæ кодтой æнæ мæн,*

æнæ мæн,
æнæ мæн
æнкъард.

Æз Сырдон дæн, Сырдон дæн, Сырдон,
Нарты хъæнтæ æргомæй дзырдтон.
Мæн нæ бауарзтой уый тыххæй нарт,
Фæлæ кодтой æнæ мæн,
æнæ мæн,
æнæ мæн
æнкъард [16, 20].

Я Сырдон, я Сырдон, я Сырдон,
Мое сердце всегда открыто.
Нарты мной пренебрегали
Но без меня сучали, сучали, сучали.

Я Сырдон, я Сырдон, я Сырдон,
Я открыто указывал нартам на них недостатки.
За это меня нарты невзлюбили,
Но без меня сучали, сучали, сучали.

Данные поэтические строки – это самохарактеристика Сырдона. Поэтически вставки создают особую атмосферу произведения, дополняют повествования, делая его более глубоким, усиливают эмоциональное воздействие на читателя. Речевая характеристика героя играет значительную роль в раскрытии образа трикстера. Диалоги помогают показать психологический портрет каждого героя. Сочетание юмора и особенностей речи персонажей создает особый эффект, который помогает более полно раскрыть характеры героев и сделать произведение доступным для детской аудитории.

Юные герои пьесы Алан и Оллана предостерегают Сырдона после очередной истории, что нарты не простят ему этой обиды, этого позора, на что нарт отвечает им:

С ы р д о н. (худы). *Нарт худинагыл иу бон фæхудынц, кæуинагыл та кæуын дæр нал зонынц. <...> Таурæгъ дæр хорз у, фæлæ тæрсын, нартыл æнæ мæн исты фыдбылыз куы 'рцæуа. Иумæ дæр сæ зонды мур нæй. Æдзух тыхæй архайынц. Тыхджынæй тыхджындæртæ та бирæ ис зæххыл.* (Фæкаст нарты 'рдæм.) *А-гъа! Уæртæ æрлæууыдысты. Уæртæ сæ чидæр фæстæмæ фездæхт.* (Алан æмæ Олланæйæн.) *Нарты зонд æз дæн. Æз сын куы нæ уаин, уæд сæ халон йæ ахстонмæ раджы ахастайд.* [16, 19] ('Сырдон (смеется). Нарты над позором один день смеются, а над тем, что слез достойно, плакать не умеют. <...> Предания – это хорошо, но боюсь, что нартов без меня беда какая настигнет. Ни у одного из них нет и крохи ума. Всегда силой действуют. А тех, кто сильнее сильного, много на земле. (Посмотрел в сторону нартов). Ага! Вон остановились. Кто-то из них возвращается (Алану и Оллане). Я ум нартов. Если бы не я, ворона бы их давно в свое гнездо унесла').

Юмористический компонент и речевая палитра персонажей работают в

единстве, что значительно усиливает художественное воздействие произведения. Диалоги, выстроенные автором, – живые и интересные, они упрощают восприятие идей произведения для юных читателей и зрителей, создают эмоциональный контакт между автором, героями и аудиторией. «Именно авторской позицией обусловлено соотношение фольклорного и авторского начал, реального и фантастики в сказке, композиция, особенности системы образов, пространственно-временная организация, речевые характеристики, а также своеобразие стиля» [18, 308].

Ж. Дюмезиль отмечал глубинное родство образов Сырдона и Локи, обозначив ключевые параллели между персонажами [4, 111]. Естественно, что возникает вопрос, получил ли развитие образ Локи в мировой или отечественной детской литературе? Оказалось, что на данный момент в современной литературе сложно найти собственно детские произведения с образом Локи из-за его сложной природы и возрастных ограничений. Однако все же есть несколько произведений, которые могут быть интересны подростковой аудитории (16+).

«Осень Локи» Анны Антоновой [19] – это сочетание скандинавской мифологии с современной реальностью. Как и в анализируемой пьесе Т. Кокаева, история разворачивается в двух временных реалиях, однако эти произведения нельзя сравнивать. А. Антонова показывает две параллельные сюжетные линии: жизнь современных студентов и события в мире скандинавских богов. Это детективная история с расследованием убийства в Асгарде, в которой Локи показан в контексте его классической роли скандинавского бога. Произведение А. Антоновой можно назвать адаптацией мифологических сюжетов для современной аудитории.

Еще более сложным в философском плане произведением является «Локи: Сказки Железного Леса» Я. Первозванной [20]. Здесь автор еще глубже погружается в мифологию, мир магии. Однако книга эта по ряду объективных причин не рекомендуется даже для подростков.

Если обратиться к зарубежной литературе, то есть произведение с персонажем, схожим с классическим образом Локи. Это фантастический роман датского писателя Ларса-Хенрика Ольсена «Эрик, сын человека» (в переводе О. Рождественского) [21], написанный по мотивам скандинавского эпоса. Локи в данной интерпретации выступает как веселый балагур, главный зачинщик приключений, персонаж, который подшучивает как над богами, так и над великанами, а также является инициатором многих мифологических событий. Его характерная черта – способность обманывать и хитрить, что является типичным для традиционного образа Локи. У Ольсена он хотя и не является центральным героем, но его присутствие существенно обогащает повествование, придавая ему особый колорит скандинавской мифологии. Однако много вопросов возникает к автору относительно целевой аудитории его книги. Язык произведения явно ориентирован на детское восприятие, однако содержание вызывает откровенное недоумение – много откровенных, а также кровавых сцен и прочих «спецэффектов».

Таким образом, провести сравнительный анализ пьесы Т. Кокаева с произведениями мировой и отечественной литературы, где был бы репрезентиро-

ван образ Локи и который был бы адресован детской аудитории, не представляется возможным. Из-за сложной природы персонажа и его неоднозначной морали прямое представление Локи в детской литературе ограничено, но его черты часто используются в других персонажах детских произведений. Если обратиться к региональной литературе, то и здесь не удалось найти произведений, адресованных детям, в которых бы прототипом героя был бы вайнахский Боткий Ширтка (или Ботоко Ширтга).

Мы можем провести лишь сравнительный анализ Сырдона эпического и Сырдона – героя Т. Кокаева. Несомненно, их многое роднит, и прежде всего – характер, юмор, взаимоотношения с нартами, насыщенная метафорами и шутками речь, но есть и то, что отличает. Герой литературный лишен явных магических способностей, он показан в более бытовом контексте, он более человеческий, приземленный, доступный для детского восприятия. Автор делает акцент на моральных аспектах поступков своего героя. Подобная интерпретация обусловлена, прежде всего, целевой аудиторией. На основе проведенного сопоставления становится очевидно: не отказываясь от фундаментальных характеристик героя-трикстера, Т. Кокаев создает собственную версию образа, которая, будучи адаптированной под детское восприятие, не утрачивает своего эпического величия.

В современном пространстве осетинской детской литературы произведений, основанных на Нартовском эпосе, немного. Среди них выделяется рассказ «Сырдон бæх æмæ хæрæг куыд рамбылдта» («Как Сырдон выиграл коня и осла») З.Н. Слановой-Дауровой (Дауры) [22]. Это небольшое по объему повествование – словно оживший в реальности миф, история о связи времен.

В центре сюжета – удивительная метафора встречи двух миров – мира современного ребенка и мира древних кадагов. Перед читателем трогательная история десятилетнего Алана, который каждое лето проводит в горах у своего необычного родственника – Сырдона, старшего брата деда. Автор создает уникальный образ, где мифологический герой обретает плоть и кровь в лице пожилого горца. Композиционный прием построения образа деда особенно интересен: его внешнее сходство с нартским Сырдоном дополняется осознанной игрой – старик не просто напоминает легендарного героя, а намеренно подчеркивает это сходство через одежду, манеру речи и поведение. Это создает эффект двойного дна повествования, где реальность граничит с мифом. Летние дни, проведенные с дедом в горах, становятся для Алана настоящим погружением в мир народных традиций. Символическое значение приобретают простые занятия: косьба травы, вязание мётел, рубка дров – через них передается не только практический опыт, но и глубинная связь с предками.

Кульминацией истории становится поездка на городские скачки, где происходит удивительное преображение. Здесь автор использует прием метаморфозы: обычный старик превращается в настоящего героя, способного на невероятные поступки. Анализ поведения Сырдона на скачках раскрывает его двойственную природу. С одной стороны, он предстает как мудрый старец, узнающий в коне Царгасе Арфана – легендарного скакуна Урузмага. С другой – как озорной герой, трикстер, способный на неожиданные поступки,

привлекает к себе внимание публики, едет на осле задом наперед, вызывая сначала смех зрителей, а затем их искреннее восхищение. Финал истории подчеркивает трансформацию отношения публики к герою. И в этом тоже видится отсылка к эпосу, а именно двойственное отношение нартов к своему «злому гению» («нарты фыдбылыз»).

Философская глубина произведения раскрывается в финале, где победа деда приобретает метафорический смысл. Получение коня Царгаса-Арфана и ослика Кика становится символом торжества вечных ценностей. Даура создает уникальную мозаику, где каждый элемент – от сюжетных линий до художественных деталей – работает на раскрытие главной идеи: древние мифы не просто истории, рассказанные когда-то. Они – живая ткань нашей реальности, способная в нужный момент явить свое чудо, напомнить о связи времен и поколений.

Особенности художественного повествования в рассказе Дауры раскрываются через двойственность образа главного героя. С одной стороны, – самосознание персонажа о своей эпической природе, с другой – парадоксальное сочетание современности и архаики. Сырдон не просто пассивно принимает сходство с легендарным прототипом – он сознательно культивирует это родство, превращая его в центральный элемент своей идентичности. При этом самоидентификация героя строится на нескольких уровнях: инструментом самопрезентации становится прежде всего внешний облик; связь с эпической традицией отражают манеры и речевое поведение героя. Для раскрытия образа Сырдона, для создания комического эффекта автор прибегает к гиперболизации, а основой сюжетного развития Даура выбрала некий парадокс.

Таким образом, самосознание Сырдона представляет собой сложный феномен, где личное переплетается с коллективным, индивидуальное с архетипическим, современное с вечным. Это делает его образ уникальным примером живого мифа в современной осетинской детской литературе. Противоречивость образа Сырдона становится художественным приемом, который делает характер персонажа более глубоким, создает многоуровневую интерпретацию образа, сохраняет связь с эпической традицией и, конечно, делает повествование увлекательным для современного читателя.

Заключение

На рубеже XX–XXI вв. отличительной чертой национальных литератур становится повышенный интерес к этнической тематике, поиск нравственных ориентиров в своей исконной традиции, интенсивное использование притчеобразных, фантастических структур, синтез разных стилей и направлений, размытие жанровых границ, обращение к мифопоэтическим универсалиям и др.

«Творческий поиск осетинских писателей неизменно связан с мифо-эпическими мотивами. Черпая вдохновение в безграничном мире нартовских сюжетов, проникающих в художественное сознание из глубин вечности, и усматривая неисчерпаемые возможности художественных реконструкций архетипов, авторы литературных произведений на эпическом материале по-

пытались обосновать сакральные смыслы архаической картины мира и представили репрезентацию некоторых мифологических архетипов в художественных образах своих литературных произведений», – пишет З.К. Кусаева [23, 1009]. Как следует из проведенного анализа, все сказанное в полной мере относится и к детской литературе. Педагогическая ценность произведений, подобных пьесе Т.А. Кокаева и рассказу З.Н. Дауровой (Дауры), заключается, прежде всего, в привлечении внимания к Нартовскому эпосу, пробуждении интереса к изучению народных сказаний, познании культурных кодов осетинского народа.

Обобщая наблюдения, можно сказать, что, не меняя базовых характеристик героя, осетинские авторы создают оригинальные версии образа, которые, оставаясь в русле эпической традиции, становятся ближе и понятнее современному ребенку. Анализ трансформации образа Сырдона в осетинской детской литературе демонстрирует успешность адаптации эпического материала к восприятию юной аудитории при сохранении фундаментальных характеристик персонажа. Установлено, что в процессе модификации образа он сохраняет свою узнаваемость; происходит заметное смягчение негативных черт персонажа, делается акцент на положительных качествах, трансформации конфликтных ситуаций. Кроме того, эпическая традиция в детской литературе сохраняет основные сюжетные линии, адаптирует языковые средства. Полученные данные подтверждают гипотезу о возможности успешной адаптации сложного мифологического образа для детской аудитории без утраты его культурной значимости.

-
1. Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика. СПб.: Университетская книга, 2011. 687 с.
 2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
 3. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 325 с.
 4. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976. 276 с.
 5. Абаев В.И. Избранные труды. В 2-х т. Т.1. Религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990. 640 с.
 6. Лойтер С.М. Русская детская литература XX в. и детский фольклор: исследования и тексты. Петрозаводск: КГПУ, 2001. 296 с.
 7. Овчинникова Л.В. Литературная сказка XX в. Мир – Герой – Автор. Южно-Сахалинск: Издательство СахГУ, 2000. 104 с.
 8. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция: Вопросы поэтики. Саратов: СГУ, 1980. 296 с.
 9. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. Учебное пособие по курсу «Теория мифа и историческая поэтика повествовательных жанров». М.: Российский гос. гуманитарный университет, 2001. 169 с.
 10. Дедегкаев Д.И. Героико-комическое в художественной системе осетинского нартского эпоса: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984. 155 с.
 11. Мамиева И.В. Тема нарт в осетинской литературе: духовно-эстетиче-

ские аспекты // Известия СОИГСИ. 2021. Вып. 41 (80). С. 101-115. DOI: 10.46698/VNC.2021.80.41.009

12. Мамиева И.В. Слово о Сырдоне и принципах классификации именного цикла осетинских нарттовских сказаний // Известия СОИГСИ. 2015. Вып. 16 (55). С. 131-134.

13. Мамиева И.В. Образ мироздания в романе «Слезы Сырдона» Н. Джусойты // I Всероссийские Миллеровские чтения. Владикавказ: СОИГСИ, 2008. С. 153-154.

14. Газдарова А.Х. История и современность в художественной интерпретации Нафи Джусойты: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984. 155 с.

15. Дзапарова Е.Б., Хетагурова К.И., Хабалати М.У., Дигоев О.А. Литературная интерпретация образов Нартовского эпоса в романе Н.Г. Джусойты «Слезы Сырдона» // Педагогика, психология, филология в социокультурном пространстве. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 10-11 апреля 2023). Ростов-на-Дону, 2023. С. 31-35.

16. Кокаев Т. Козни Сырдона [Сырдоны хинтæ] // Пионер [Ногдзау]. 1997. № 2. С. 18-23; №3. С. 18-24 (на осет. яз).

17. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа [Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос]. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2007. Т. 4. 548 с. (на осет. яз).

18. Бритаева А.Б. Традиции Нартовского эпоса в осетинской детской литературе // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. С. 308.

19. Антонова А. Осень Локи. М.: Эксмо, 2023. 320 с.

20. Первозванная Я. Локи: Сказки Железного Леса. СПб: Весь, 2022. 304 с.

21. Ольсен Ларс-Хенрик. Эрик, сын человека. М.: Терра, 1996. 352 с.

22. Даурæ (Сланты-Даураты З.Н.). Как Сырдон выиграл коня и осла [Сырдон бæх æмæ хæрæг куыд рамбылдта] // Моим маленьким солнышкам [Мæ чысыл хуртæн]. Владикавказ: Олимп, 2002. С. 140-151 (на осет. яз).

23. Кусаева З.К. Мифо-фольклорные традиции в осетинской литературе // Фундаментальные исследования. 2013. № 4-4. С. 1005-1010.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025,
принята к публикации 14.11.2025,
опубликована 25.12.2025.

Britaeva, Angela B. – Candidate of Philological sciences, Senior Researcher, Department of Folklore and Literature, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-6926-3816>; angelikabb@yandex.ru

FROM EPIC TO CHILDREN'S BOOK: THE IMAGE OF SYRDON IN THE OSSETIAN LITERARY TRADITION.

Keywords: *Ossetian children's literature, Syrdon, image transformation, epic tradition, and intertextuality.*

The article is devoted to the study of the mechanisms of the transformation of the image of Syrdon in the context of children's literary tradition. The purpose of this research is to determine the vector of the image's development: whether it is the preservation of its traditional epic nature or its development in a new literary context. Based on the works of Ossetian authors («The Tricks of Syrdon» by T. Kokayev and «How Syrdon Won a Horse and a Donkey» by Z.N. Daurova (Daura)), a comprehensive analysis of the evolution of the image was conducted to determine the degree of its transformation relative to the original epic paradigm and the preservation of its archetypal characteristics. The author of the article shows that the mechanisms of transforming the image of the «evil genius of the Narts» are aimed at preserving cultural memory, forming moral guidelines, and developing aesthetic perception. The article pays special attention to the study of how the complex image of the trickster is transformed in children's literature, while maintaining its archetypal essence. The relevance of the study is due to the fact that the modification of mythological images in children's literature is a little-studied aspect of the interaction between traditional culture and the modern literary process. For the first time, the author examines the interaction between folklore tradition and children's literature using the example of a specific mythological character, which contributes to the theory of intertextual connections and defines the scientific novelty of the work. The methodological significance of the study lies in the development of approaches to adapting complex mythological material for children's audiences without losing its cultural and artistic value. The practical significance of this work lies in the fact that its results can be used in writing the history of Ossetian children's literature and in teaching the course « Ossetian children's literature» in university practice.

For citation: Britaeva, A.B. From Epic to Children's Book: the Image of Syrdon in the Ossetian Literary Tradition. KAVKAZ-FORUM. 2025, iss. 24 (31), pp.29-42. (In Russian) DOI:

REFERENCES

1. Veselovskii, A.N. *Izbrannoe: Istoricheskaya poehtika* [Selected Works: Historical Poetics]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga, 2011. 687 p.
2. Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i ehstetiki. Issledovaniya raznykh let* [Issues of Literature and Esthetics. Studies from Different Years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1975. 504 p.
3. Propp, V.Ya. *Fol'klor i deistvitel'nost'* [Folklore and Reality]. Moscow, Nauka, 1976. 325 p.
4. Dyumezil', Zh. *Osetinskii ehpos i mifologiya* [Ossetian Epic and Mythology]. Moscow, Nauka, 1976. 276 p.
5. Abaev, V.I. *Izbrannye trudy. V 2-kh t.* [Selected Works. In 2 volumes]. T.1. *Religiya, fol'klor, literatura* [Vol. 1. Religion, Folklore, Literature]. Vladikavkaz, Ir, 1990. 640 p.
6. Loiter, S.M. *Russkaya detskaya literatura XX v. i detskii fol'klor: issledovaniya i teksty* [Russian Children's Literature of the XXth Century and Children's Folklore]. Petrozavodsk, Karelian State Pedagogical University, 2001. 296 p.
7. Ovchinnikova, L.V. *Literaturnaya skazka XX v. Mir – Geroi – Avtor* [Literary Fairy

Tale of the XXth Century. World – Hero – Author]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalin State University, 2000. 104 p.

8. Medrish, D.N. *Literatura i fol'klornaya traditsiya: Voprosy poehtiki* [Literature and Folklore Tradition: Poetic Issues]. Saratov, Saratov State University, 1980. 296 p.

9. Meletinskii, E.M. *Ot mifa k literature* [From Myth to Literature]. *Uchebnoe posobie po kursu «Teoriya mifa i istoricheskaya poehtika povestvovatel'nykh zhanrov»* [A Textbook for the Course «Theory of Myth and Historical Poetics of Narrative Genres»]. Moscow, Russian State University for the Humanities, 2001. 169 p.

10. Dedegkaev, D.I. *Geroiko-komicheskoe v khudozhestvennoi sisteme osetinskogo nartovskogo ehposa* [The Heroic-Comic in the Artistic System of the Ossetian Nart Epic]. PhD dissertation (in Philology). Moscow, 1984. 155 p.

11. Mamieva, I.V. *Tema nartov v osetinskoj literature: dukhovno-ehsteticheskie aspekty* [The Theme of the Narts in Ossetian Literature: Spiritual and Aesthetic Aspects]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2021, iss. 41 (80), pp. 101-115. DOI: 10.46698/VNC.2021.80.41.009

12. Mamieva, I.V. *Slovo o Syrdone i printsipakh klassifikatsii imennogo tsikla osetinskih nartovskikh skazanii* [The Tale of Syrdon and the Principles of Classification of the Nominal Cycle of Ossetian Nart Tales]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2015, iss. 16 (55), pp. 131-134.

13. Mamieva, I.V. *Obraz mirozdaniya v romane «Slezy Syrdona» N. Dzhusoity* [The Image of the Universe in N. Dzhusoity's Novel «Tears of Syrdon»]. *I Vserossiiskie Millerovskie chteniya* [The 1st All-Russian Miller Readings]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2008, pp. 153-154.

14. Gazdarova, A.Kh. *Istoriya i sovremennost' v khudozhestvennoi interpretatsii Nafi Dzhusoity* [History and Modernity in the Artistic Interpretation of Nafi Dzhusoity]. PhD dissertation (in Philology). Moscow, 1984. 155 p.

15. Dzaparova, E.B., Khetagurova, K.I., Khabalati, M.U., Digoev, O.A. *Literaturnaya interpretatsiya obrazov Nartovskogo ehposa v romane N.G. Dzhusoity «Slezy Syrdona»* [Literary Interpretation of the Images of the Nart Epic in N.G. Dzhusoity's Novel «Tears of Syrdon»]. *Pedagogika, psikhologiya, filologiya v sotsiokul'turnom prostranstve. Materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Rostov-na-Donu, 10-11 aprelya 2023)* [Pedagogy, Psychology, Philology in the Sociocultural Space. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, April 10-11, 2023)]. Rostov-on-Don, 2023, pp. 31-35.

16. Kokaev, T. *Kozni Syrdona* [Syrdon's machinations]. *Pioner* [Pioneer]. 1997, no. 2, pp. 18-23; no. 3, pp. 18-24 (in Ossetian).

17. *Nartovskie skazaniya. Ehpos osetinskogo naroda* [Nart Sagas: the Ossetian National Epic]. Vladikavkaz, Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V.A. Gassieva, 2007, vol. 548 p. (in Ossetian).

18. Britaeva, A.B. *Traditsii Nartovskogo ehposa v osetinskoj detskoj literature* [Traditions of the Nart epic in Ossetian children's literature]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2012, no. 5, pp. 308.

19. Antonova, A. *Osen' Loki* [Autumn of Loki]. Moscow, Ehksmo, 2023. 320 p.

20. Pervozvannaya, Ya. *Loki: Skazki Zheleznogo Lesa* [Loki: Tales of the Iron Forest]. St. Petersburg, Ves', 2022. 304 p.
21. Ol'sen, Lars-Khenrik. *Ehrik, syn cheloveka* [Eric, is the son of a man]. Moscow, Terra, 1996. 352 p.
22. Dauræ (Slanty-Dauraty, Z.N.). *Kak Syrdon vyigral konya i osla* [How Syrdon Won a Horse and a Donkey]. *Moim malen'kim solnyshkam* [To my little suns]. Vladikavkaz, Olimp, 2002, pp. 140-151 (in Ossetian).
23. Kusaeva, Z.K. *Mifo-fol'klornye traditsii v osetinskoj literature* [Mythic and Folklore Traditions in Ossetian Literature]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research]. 2013, no. 4-4, pp. 1005-1010.

The article was submitted 30.09.2025,
accepted for publication on 14.11.2025,
published 25.12.2025.